

*В. Терещенко
25/11 29.*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

МАТЕРИАЛЫ
ПО
ЭТНОГРАФИИ

ТОМ IV

ВЫПУСК ВТОРОЙ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ
ЛЕНИНГРАД

1929

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Музея

Директор Музея *П. Воробьев.*

Апрель 1929 г.

Фотографии, за исключением отмеченных особо, выполнены фотографом Государственного Русского Музея *А. А. Гречкиным.*

ПЕРЕВЕС.

*Ловища ея (Вольги) суть по всей земли
и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ...*

947 год. Повесть временных лет.

Одним из широко распространенных в Западной Сибири способов ловли водоплавающей птицы, имеющих существенное промысловое значение, является ловля уток при помощи перевеса.

Несмотря на глубокую древность этого рода промысловой охоты и некогда весьма широкое ее распространение, охота с перевесом не получила должного освещения.

Первое упоминание о перевесе (перевесище) мы находим под 946 годом в Повести временных лет по Радзивилловскому списку, где говорится, что двор княжий был в городе (Киеве), а перевесище вне города. Под 947 годом о перевесищах княгини Ольги по Днепру и по Десне упоминается в Повести временных лет по списку Лаврентьевскому. Срезневский в своих „Материалах для словаря древне-русского языка по письменным памятникам“ (СПБ. 1902) дает следующее толкование слову перевесище. Перевесище — место, где устроены перевесы, т. е. сети для ловли птиц. О перевесе же он пишет, что это большая сеть для ловли птиц и зверей, которая перевешивалась с одного шеста на другой или с дерева на дерево в лесу. Перевесник — ловец птиц при помощи перевеса. Объяснение интересующего нас слова Срезневским дано вполне правильное с одной оговоркой. Перевес, сеть для ловли птиц и притом птиц водоплавающих, никогда не употреблялась и, как будет видно из ее описания, не могла употребляться для ловли зверей. Нельзя согласиться со вторым толкованием, данным Срезневским слову перевес — шатер, навес. Последнее толкование слову перевес дано Срезневским по нижеследующему тексту Русской Летописи по Никонову списку: „Обѣдалъ (великий князь) на своемъ лузе противу Симонова подъ перевѣсьемъ“. Вне всякого сомнения слово перевесье — место, где ставится перевес — употреблено здесь в своем прямом смысле с целью точнее обозначить место, где обедал великий князь.

Уже двух выше приведенных упоминаний летописи о перевесищах было бы достаточно для суждения о том значении, какое имел в Древней Руси этот своеобразный способ ловли птиц, сохранившийся до наших дней во всей своей чистоте у русского населения таежной Сибири. Между тем, как мы увидим ниже, о перевесищах очень часто упоминается и в более поздних исторических документах на ряду с другими угодьями и урочищами, имеющими важное экономическое значение.

Начиная с XIII века, мы находим ряд указаний на распространение перевесов в Новгородской земле ¹; в XIV—XV в.в. в Рязанской ²; в Белоруссии с XIV века ³; с XV века в Московской земле ⁴; в XVII в. на Тавренге реке.

Таким образом, начиная с X по XVII век включительно, мы имеем сведения о перевесах, широко, повидимому, распространенных в лесной полосе Европейской России.

Рис. 1. Плохá — просека для перевеса; долина р. Вах Сургутского у.

Фот. Б. Н. Гордкова.

Первое описание ловли птиц перевесом относится к первой половине XVIII века. Крашенинников⁵ в своем описании земли Камчатки сообщает следующее: „Утокъ наибольше ловятъ перевѣсами, то есть сѣтьми, съ бѳльшимъ искусствомъ и трудомъ, нежели другихъ

¹ Отводная на земли Ковалева монастыря. Акты юридические, № 138. Новгородские купчие XIV и XV вв. Акты юридические, № 71.

² Жалованная грамота Рязанского кн. Олега Ивановича Рязанскому Ольгову монастырю. Акты исторические, т. I. Жалованная грамота Рязанской вел. княг. Анны Васильевны Солотчинскому монастырю. Акты историч., т. I, № 80. Царский наказ Белозерским губным старостам и целовальникам 1571 г. Акты Археогр. эксп., т. I, № 281.

³ Записи Лаврашскому монастырю на имения XIV в. Акты южн. и зап. России, т. II, № 64.

⁴ Грамота правая по спорному делу о пахотных землях и пустошах Симонова монастыря 1462—1505. Акты юрид. быт., т. I, № 52, II. Русская летопись по Никонову списку, т. V, 108. Явка крестьян Трофима Назарова и Андрея Савина 1604 г. Акты юрид., № 48.

⁵ Крашенинников, С. Описание земли Камчатки. СПб. 1818, ч. I, стр. 480—481.

птиць. Гдѣ между озерами есть лѣса, а растояніе не весьма велико, тамъ жители съ озера на озеро, или съ озера на рѣку прорубаютъ лѣсъ въ прямую линію, которымъ мѣстомъ птицы во все лѣто обыкновенно перелетаютъ. Осенью, когда окончится рыбной промыселъ, связываютъ Камчадалы по нѣскольку сѣтей вмѣстѣ, привязываютъ концами къ высокимъ шестамъ и вечеромъ поднимаютъ ихъ къ верху столь высоко, какъ утки

Рис. 2. Поднятый перевес; видна крупноячеенстая сеть подтона и станов. Окрестности гор. Березова.

Фот. С. Руденко.

обыкновенно перелетаютъ близкое разстояніе. Въ сѣти вдернуты тетивы, которыми ихъ можно и стягивать и растягивать. За тетивы держать нѣсколько Камчадаловъ, которые стягиваютъ вмѣстѣ, когда на сѣти налетятъ утки. Иногда случается, что налетаютъ онѣ въ такомъ множествѣ, и съ такимъ стремленіемъ, что сѣти насквозь пробиваютъ. Такимъ же образомъ перетягиваютъ сѣти чѣрезъ узкія рѣчки, и ловятъ каменныхъ и другихъ утокъ, а особливо по рѣкѣ Быстрой. Однако сей способъ ловить птицъ нетокмо на Камчаткѣ, но и по всей почти Сибири употребителенъ“.

Вне сомнѣнія, ловля перевесами, которыми, какъ сообщаетъ Крашенинниковъ, в его время ловили на Камчатке и гусей¹, была завезена на Камчатку русскими, как и многие другие охотничьи снаряды, о которыхъ упоминаетъ Крашенинниковъ. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что у камчадаловъ (ительменовъ) не было специальной сети-перевеса, а для ловли утокъ описаннымъ способомъ они связывали вместе по несколько рыболовныхъ сетей, которыми и пользовались, какъ русские перевесомъ.

¹ Там же, стр. 476.

Во второй половине XVIII века о перевесе в среднем Поволжье писал Лепехин ¹.

„Спровѣдали мы о особливомъ способѣ ловить живыхъ дикихъ утокъ, который хотя много схожъ съ Камчатскимъ, описаннымъ покойнымъ г. Профессоромъ Крашениниковымъ, однако имѣетъ нѣкоторую разность; что удобно изъ краткаго описанія видѣть можно. Ловець избираетъ такое мѣсто, гдѣ два озера, между собою смежныя, раздѣлены перелѣскомъ, или къ озеру подходитъ рѣчка. Перелѣсокъ вычищаетъ ловець улицую, чрезъ которую вѣшаетъ сѣть длиною сажени въ три. Верхъ сѣти бываетъ широкъ, а къ низу сходится клиномъ. Къ верхнему концу сѣти въ маломъ разстояніи

Рис. 3. Опущенный перевес с подтоном; видна передняя труба. Окрестности гор. Березова.

Фот. С. Руденко.

пришиваются кольца, чрезъ которыя продѣвается веревочка. На веревочкѣ разпущенную сѣть слегка прикрѣпляютъ къ деревьямъ. Когда на одно озеро налетятъ утки, тогда на другомъ озерѣ пускаютъ утку, привязанную на ниткѣ, которая какъ скоро закричитъ, селезни поднимаются съ озера, и летя прочищенною въ перелѣскѣ улицую, находятъ въ ней сѣтной простѣнокъ, в которой какъ скоро ударятся, то кольца на покатою веревочкѣ сбѣгаются вмѣстѣ; чрезъ что селезни запутавшись попадаютъ въ руки ловцу“.

Одновременно с Лепехиным, Паллас ² описал охоту с перевесом на зауральских озерах, причем им впервые дано обстоятельное описание и самого снаряда.

¹ Лепехин. Записки путешествія академика Лепехина. СПб. 1821, ч. I, стр. 255.

² Паллас, П. С. Путешествіе по разнымъ местамъ Россійскаго Государства. СПб. 1786, ч. II, кв. I, стр. 422—424.

„Онѣ (казаки и мужики челябинские) ловятъ гусей или сѣтьми, или на воздухѣ слѣдующимъ образомъ. Надобно избрать къ сему въ близи озеро по крайней мѣрѣ съ одной стороны довольными рощами закрытое, ибо и птицы любя таковое отъ бушующихъ вѣтровъ находятъ защиту больше корма и покоя. Дикіе гуси имѣютъ привычку каждое утро при восхожденіи солнца отлѣтать на нивы питаться, а въ вечеру возвращаются опять на воду мыться и ночевать; и такъ примѣтивъ ту половину, которою гуси перелетаютъ, прорубливаютъ въ рощѣ аршинъ на двадцать на пять ширины перспективу, по которой стадо гусяное приобываетъ взадъ и впередъ летать, не желая подни-

Рис. 4. Опущенный перевесъ с подтоном; видна задняя труба. Окрестности гор. Березова.

Фот. С. Руденко.

маться выше рощи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много озеръ въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, вырубливаютъ такову же улицу отъ одного озера къ другому, посредствомъ которыхъ утки въ сумеркахъ перелетываютъ и такимъ же образомъ ловятся. — Саженъ на двадцать на пять или тридцать отъ онаго озера до другаго на сей прорубѣ оставляются двѣ отмѣтно высокія березы, столь точно отдаленныя, какъ приуготовляемая сѣть длинна. Сѣть сію или перевѣсъ плетутъ изъ крѣпкихъ въ двое сученыхъ конопляныхъ нитокъ оставляя дыры вершка полпяты пространныя. Перевѣсы бываютъ обыкновенно отъ 18 до 25 или 30 аршинъ длиною, отъ 7 до 10 шириною; верхней и поперечные концы обшивають веревкою, а по двумъ угламъ привязываются саженъ 30 длинныя тетивы. — На вышеупомянутыхъ обѣихъ деревьяхъ очищенныхъ отъ сучьевъ и вѣтвей приколачивають въ верху прямо долгой въ концѣ на подобіе виль раздѣленный шесть. Намѣровая приступить къ ловлѣ охотникъ влѣзаетъ въ сумеркахъ на сіи деревья

и привязанные къ перевѣсу тетивы перетягиваетъ чрезъ вилы, и тѣмъ разпростирая сътъ тянетъ оную въ верхъ такимъ образомъ, что она поднявшись нѣсколько аршинъ выше земли концами одной стороны касается на обѣихъ деревьяхъ приколоченнымъ вилообразнымъ шестам; дабы же она отъ вѣтру не колебалась укрѣпляютъ ее къ колышкамъ пятью или шестью привязками при семъ случаѣ *поттому* именуемыми. За симъ держа крѣпко въ рукѣ тетиву удаляется охотникъ отъ перевѣса въ сторону толь далеко, сколько длина тетивы ему позволяетъ, и такъ скрывшись въ траву ожидаетъ до утренней зори своя добычи; гуси обыкновенно за часъ до восхожденія солнца изъ озера выле-

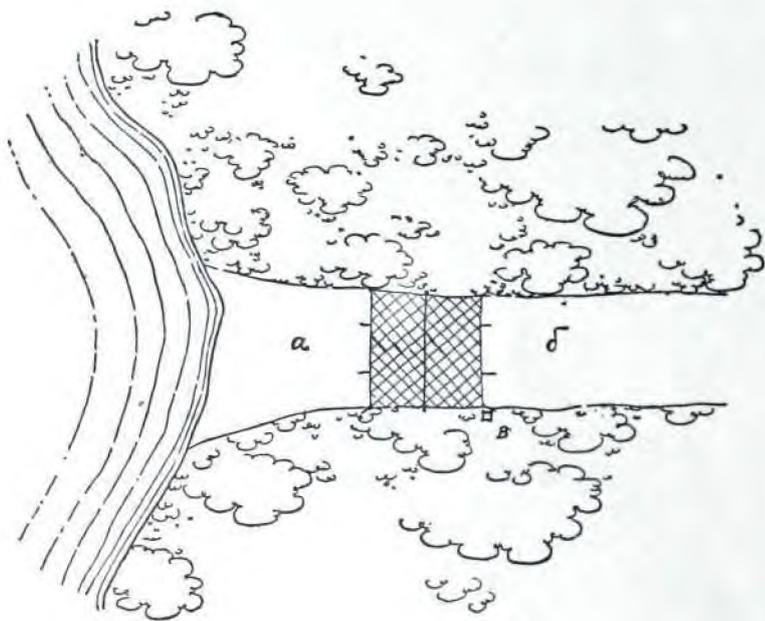

Рис. 5. План перевеса: а—передняя труба; б—задняя труба; в—станок.

тающие не могучи во мракѣ узнать хитроуготованной къ ихъ пагубѣ сѣти вытянувъ шею влетаютъ прямо въ оную, въ то самое время перевѣсъ низпускается, а гуси природною своею тяжестью лишившись дѣйствія крыльевъ низвергаются на землю, и сколько оныхъ долетѣло запутавшись въ сѣть, остаются добычею ловца. Иному удастся временемъ изловить въ одинъ разъ ихъ двадцать и болѣе, и почти ни одной ночи напрасно не прокарауливалъ. Кроме обыкновенныхъ большихъ гусей и казарокъ, изъ которыхъ найвкуснѣйшее въ свѣтѣ дѣлается жаркое, ловятъ симъ же образомъ различнаго рода утокъ и гагаръ. По утру опустивъ перевѣсъ, привязываютъ къ которому-

нибудь изъ деревъ, а после чтобъ не драться каждой день на дерево, подымаетъ по тетивѣ сквозь вилы проведеншей и такъ продолжаютъ сію охоту, покуда гуси въ сихъ мѣстахъ имеютъ свое пребываніе“.

В XIX веке мы имеем: упоминаніе о ловле уток перевесомъ в Мезенскомъ у. Архангельской губернии ¹; описание способа ловли перевесами „в старые годы существовавшего“ в бассейне р. Шексны ²; многочисленные упоминанія о ловле перевесами с краткими описаніями в Западной Сибири ³.

С перевесомъ и способомъ ловли при помощи этого снаряда подробно мы имели возможность ознакомиться в 1909 году в Березовскомъ крае Тобольской губернии.

Ловля утокъ и гусей перевесами — промыселъ преимущественно весенний и начинается с прилетомъ утокъ. Река Обь в среднемъ своемъ теченіи вскрывается в мае и разливается на десятки верст, затопляя поемные луга и образуя такъ называемые „соры“. В это время на севере, там, куда стремится водоплавающая птица на гнѣздовья, еще лежитъ снег. Птица массами скопляется в среднемъ теченіи Оби в ожиданіи вскрытія

¹ Подвысоцкий. Словарь Областного Архангельскаго наречія. СПб. 1885.

² Арсеньев, Ф. А. Речная область Шексны. Труды Ярославск. Губ. Ст. Ком. 1866.

³ Зап. Имп. Русск. Геогр. О-ва. 1852, кн. VI, стр. 316—317; Финш, О. и Брем, А. Путешествіе в Западную Сибирь. М. 1882. Природа и Охота. 1889, кн. III и 1892, кн. VI.

реки в ее низовьях. Часть птицы тут же остается на гнездовье, большинство же в июне отлетает к северу и гнездится при озерах и речках обширной зоны тундры, в частности на полуострове Ямале. Пребыванием пролетной водоплавающей птицы и пользуется население бассейна р. Оби — русские, остяки и северные вогулы — промышленя ее перевесами.

Ловля перевесом требует неперемного устройства специальной просеки, известной под названием „перевесье“ или „плохá“¹. Перевесья прорубаются между двумя лесными

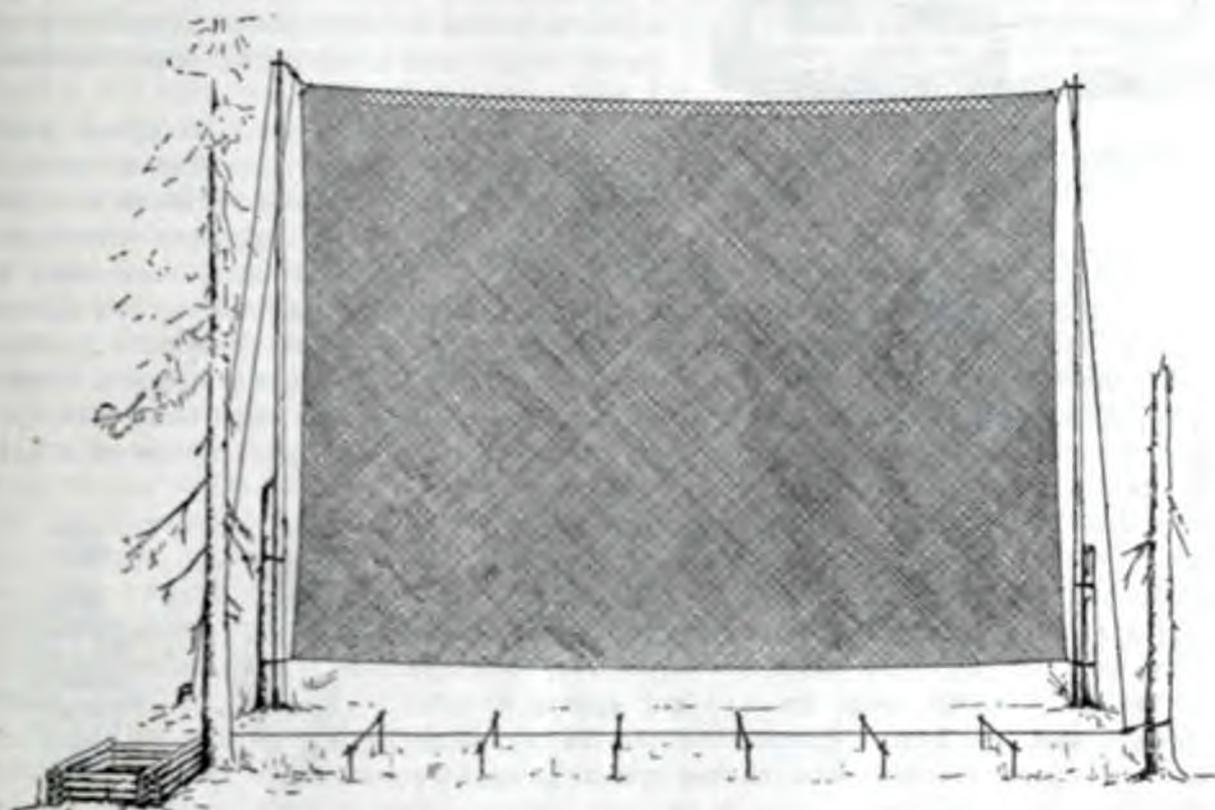

Рис. 6. Схематический рисунок постановки перевеса.

озерками, облюбованными птицею, чаще между рекою, ее протоком и сором или озерком. Прежде чем рубить перевесье, промышленник наблюдает над перелетом птицы с одного водоема на другой, что обычно совпадает с кратчайшим расстоянием между водоемами, перелетным путем птицы. По наблюдению местного населения господствующее направление полета уток „по шелонь“, т. е. с юго-востока на северо-запад. В этом направлении чаще всего и просекаются в высоком густом лесу перевесья. В перевесье различается короткая „передняя труба“, ближайшая к водоему, и длинная „задняя труба“, направляющаяся вглубь леса (см. рис. 5). Ширина перевесья определяется размерами сети-перевеса и колеблется от 16 до 20 м., длина же перевесья зависит от топографических условий и иногда бывает довольно значительной.

¹ Термин „плохá“ впервые упоминается Палласом при описании оз. Завьялова у Тобола. „Между заливами озера прорубают через лѣсъ плохи для ловли перевѣсами весною и осенью пролетающих туда и сюда утокъ, какъ прежде было описано“ (ч. II, кн. 2, стр. 48).

зено и находится в Минусинском Музее. См. также 2, стр. 419 и табл. IV, рис. 41; 5, стр. 21; 16, стр. 34.

XV. В 12 километрах к сев. от устья р. Аскыза. Грубо высеченный из гранита баран, туловище которого сохранилось хорошо, а голова сильно попорчена. Это изваяние лежит на высокой могиле, но первоначально, очевидно, стояло не здесь. По Радлову. См. 34, стр. 171. См. также 2, стр. 419; 16, стр. 33; 22.

XVI. Степь близ устья р. Ташебы. Статуя быка. По Мартыанову. См. 22 и 12, стр. 419.

XVII. Около ул. Тугужекова на р. Ташебе, валялась в мелком озерке голова лошади с плохо заметной уздой. Крестьянин Семен Усманов обещал доставить голову в Минусинский Музей.

XVIII, XIX. На западном берегу р. Шушь (приток Тубы!), в 5 верстах от устья, находились два каменные изваяния в виде маленьких львов¹. Один из камней увезен в Тобольск. Сведений из Тобольска у нас не имеется. По Радлову, см. 35, стр. 95.

XX, XXI. В Красноярске на рынке валялись каменные изображения барана (см. XII), медведя и барса. Один или два из них впоследствии были расколоты на куски. Привезены с р. Тубы. По Радлову (из дневн. Мессершмидта), 35, стр. 15, 18 и 56.

XXII. Р. Неня. В горе, в искусственно, повидимому, сделанном гроте фигура стоящего на задних лапах медведя. Высечена из красного песчаника. Высота 1 арш. Радлов (по Миллеру и Гмелину), см. 35, стр. 93; см. также 9, том III, стр. 515; 27, стр. 26; 29, стр. 274. Медведь ныне находится в Минусинском Музее, но зарисовать его не удалось.

Рис. 60. (См. также в тексте рис. 11). С. Сенявино. Гранит. Круглая скульптура, с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. Находится в Минусинском Музее.

Рис. 61. Между рр. Тесью и Ербой, недалеко от дер. Знаменки. Ныне находится в Минусинском Мартыановском Музее. С рис. Страленберга, приведенного у Радлова 35 табл. XII. См. также: 3, рис. 335; 4, рис. 30 и стр. 78; 14, том I, табл. II, рис. 3 и стр. 159; 15, табл. I, рис. 2; 28, стр. 59; 30, стр. 49; 33, рис. 336; 36, вып. III, табл. XCV; 44, табл. XII и стр. 397; 50, стр. 462.

Рис. 62. Таниу-Тувинская республика (Урянхай). Точное местонахождение неизвестно. Круглая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР.

Рис. 63. Таниу-Тувинская республика (Урянхай). Джидан, в 10 верстах от ставки б. Кемчикского Нойон-по Минслоу в 2-х верстах от фактории Леонова). Круглая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. Разрезы глаз означены врезанной линией. 1-ое изображение с фотографии Русского Музея, 2-ое — с фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР. См. также С. Р. Минслов. Памятники древности в Урянхае. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Об-ва, том XXIII, 1916 г., табл. 5, рис. 2.

Рис. 64. Казан-киш-таш (по Фальку). По другим авторам *хозен-кыс, касан-куш-таш, казан-тыш-таш* и т. п. Правый берег Черного Юса, против устья р. Саралы. Красный песчаник. С рис. Ивана Шишкова, приведенного у Радлова—35, рис. на стр. 143, стр. 16, 92, 144. См. также 8, табл. IV, рис. 1 и стр. 349; 9; 16, стр. 34; 34, стр. 171; возможно о ней же 35, стр. 93; 48, стр. 503.

Рис. 65. Семиреченская область. По Бартольду Кагатинское ущелье. Гранит. Округлая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих меч и сосуд. Изваяние доставлено Ф. А. Фиельструпом в Русский Музей. См. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. З. И. Ак. Н. по истор. фил. отд., том I, № 4, 1897 г., табл. VII.

Рис. 66. Заника Щербакова! По рассказам привезен с долины Черного Иртыша. По фот. Барнаульского Музея.

Рис. 67. Кыс-таш. Близ устья Аскыза (в 1 версте от Улу-Куртуяк, рис. 43). Красный песчаник. Прежде стояло на кургане, но при Палласе он уже лежал на земле. По словам Кострова находится в с. Аскыз, где стоит у церковной ограды и служит коновязью; дети истерли все бывшие на нем изображения. С рис. Г. Спасского 40, табл. I, рис. 5; см. также 3, рис. 342; 8; 16, стр. 33; 20, стр. 78, 79; 23, стр. 357; 24, стр. 501; 25, стр. 70; 28, стр. 60; 29, стр. 228; 41, стр. 23; 48, атлас, табл. II, рис. 20; стр. 503 и 505; 49, стр. 26.

Рис. 68. Кижитас. Близ устья Аскыза (в 1 версте от Улу-Куртуяк рис. 43). Рядом с предыдущим изваянием. Красный песчаник. При Палласе также уже лежало на земле. По словам Кострова привезено в с. Аскыз, где служит ступенью к крыльцу купца Аваньева, нижний конец отбит на аршин. С рис. Г. Спасского 40, табл. I, рис. 4; 8; 16, стр. 33; см. также 20, стр. 78; 23, стр. 557; 24, стр. 501; 25, стр. 70; 28, стр. 60; 29, стр. 228; 41, стр. 23; 48, атлас, табл. II, рис. 21 и стр. 503 и 505; 49, стр. 26.

Рис. 69. Таниу-Тувинская республика (Урянхай). Фигура человека и проч. изображения представляют собой поверхность камня, оставленного нетронутым, тогда как фон вокруг них является плоской выемкой. С фотографии А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР.

¹ На карте нами не отмечены.

позднее изваяний и являются продуктом деятельности какого-нибудь праздного пастуха, высекавшего на скале на ряду с другими фигурами и изображениями лиц, подражая при этом тем формам, какие он видел в степи на изваяниях. Других аналогий мы не находим. Это по всей вероятности объясняется особым назначением изваяния. Монумен- тальность памятника, каноничность изображения и, несомненно, символические знаки (круг с уголками, черта через нос и многие другие)—все это говорит о его культовом значении. Установившееся мнение, считающее их надгробными памятниками, может быть, справедливо по отношению к так называемым „каменным бабам“ киргизских и монгольских степей, минусинские же изваяния, описанного типа, отнести к надгроб- ным памятникам нет никаких оснований, так как мы уже видели, что ни в одном случае не удается установить непосредственную связь изваяния с каким-нибудь погребением. Кроме того, они стоят иногда совершенно самостоятельно, вдали от каких-либо могил (например, изваяния рис. 3, 14, 24, 32, 35 и 38). Вероятнее всего они являлись изображением божества. В таком случае понятным становится и изображение головы барана, встречающееся на некоторых изваяниях. В жизни народов бронзовой эпохи баран играл, вероятно, крупнейшую роль, так как в могилах этого времени всегда находятся кости барана. На существование у древних насельников края культа барана указывают кроме того находки каменных изваяний, изображающих целую фигуру этого животного. Однако, не имея хороших воспроизведений с подобных фигур (рис. 56, 57), мы не решаемся утверждать, что они принадлежат к той же эпохе средней бронзы, как те изваяния, которые до сих пор приковывали наше внимание. Рисунок 59 сделан с фигуры барана из красного песчаника, хранящейся в Барнаульском Музее. К сожалению, никаких сведений о происхождении его в Музее не оказалось. Материал памятника, характерный для Минусинского края, заставляет предполагать, что скульптура происходит отсюда же. Возможно, что это один из тех баранов, о которых говорит Радлов, приводя выдержки из дневника Мессершмидта и Миллера (см. пояснение к таблицам).

В литературе имеются указания, что, кроме баранов, в Минусинских степях встречаются изображения быков, медведей, львов и барсов¹. Вероятно из них в настоящее время сохранились немногие, так как сами авторы указывают, что некоторые памятники, будучи увезены с мест, погибли или затерялись, нам же в своих частых поездках по краю удалось видеть только голову лошади, вероятно, представляющую собой обломок большой статуи. Ни одного рисунка с изваяний животных, кроме головы хищника, хранящейся в Красноярске (рис. 58 или в тексте рис. 10), и уже упоминавшихся изваяний баранов, нам сделать не удалось².

Типы изваяний нехарактерные для края.

Приведенный материал не исчерпывает всего богатства Минусинских степей камен- ными изваяниями. Имеются еще несколько, но характер их совершенно иной.

Прежде всего нужно указать изваяние, известное по рисунку 1739 г. геодезиста Ивана Шишкова (рис. 64). Оно находилось на Черном Юсе против устья р. Саралы и у местного населения носило название *Хозен Хыс*—заяц-девка, что по всей вероятности записано неправильно, так как эта фигура ни в какой степени не напоминает зайца. Другое название *Казан Кижитас* (или *таш*), гораздо вернее. Его перевод: „Каменный мужчина с горшком“ уже, кажется, дал Попов.

¹ Рисунков не прилагается.

² В Минусинском музее есть фигура медведя и барана.

К сожалению, этот интересный памятник погиб и погиб давно, так как никакие расспросы у местного населения не дали указаний о его местонахождении. Пришлось лишь услышать смутные воспоминания о том, что голова была отломана и кем то увезена, а потом исчезла и остальная часть. Изваяние представляет собой мужчину, держащего в согнутой правой руке сосуд, напоминающий по форме серебряные сосуды, найденные в Минусинском крае¹, а левая рука придерживает кривую саблю или меч. На поясе, украшенном поперечными полосками, подвешены три предмета неизвестного назначения, повидимому, сумочки. Изображение земли какими то странными волнами, напоминающее старинный лубок, изображение сабли, как бы выходящей из плоскости камня, все говорит о малой опытности автора в рисовании, да и сам он признается в донесении Татищеву: „Хотя ж оные рисунки будут не весьма исправны, покорнейше прошу не прогневаться, ибо в живописи искусства не имею“. Благодаря этому невозможно сделать никакого заключения относительно техники изваяния. Все же его общий тип ясен.

Подобные изваяния широко распространены в пределах Киргизских степей, Алтая и Туркестана. Характерными представителями их являются изваяния, изображенные на рис. 65 и 66. Памятник 65 по технике исполнения является одной из лучших вещей этого рода. Все детали четко, аккуратно и очень правильно изваяны низким округлым рельефом, только правая рука сохраняет еще плоскостный характер. Конечно, о какой-либо портретности лица этого типа говорить не приходится. Типичная поза и детали являются каноном изображения человека какого то (вероятнее всего турецкого) племени.

Помимо рис. Шишкова имеется еще указание у Радлова о другой подобной статуе, находившейся на р. Туиме (Минусинский край). Эта статуя была увезена в Красноярск, и голова по дороге отломилась. Где оно теперь — неизвестно.

Единичность находок изваяний подобного рода в Минусинском крае² и их обилие в западных областях говорят о том, что Минусинский край был лишь периферией распространения этого типа.

Синявинское изваяние (рис. 60 или в тексте рис. 11), представляющее также округлую скульптуру, носит уже другой иконографический характер. Меч отсутствует, а сосуд находится в обеих руках, сложенных на груди.

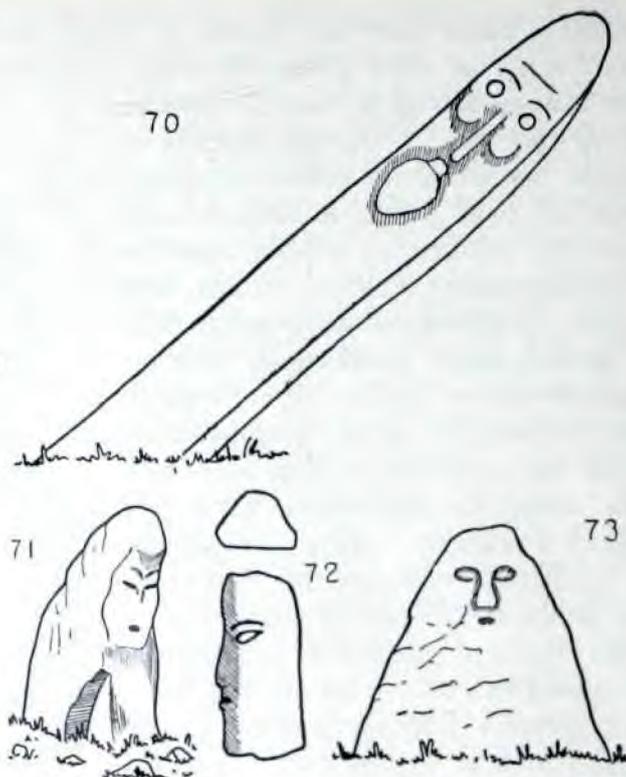
Таков же Тесь-Ербинский „богатырь-камень“, но исполнение его гораздо примитивнее (рис. 61). Это плоская плита, отесанная в форме человеческой фигуры, на одной стороне которой высечены древне-турецкие письмена, на другой — легким рельефом

Рис. 11. Изваяние из гранита близ с. Синявино (фот. Минусинского Мартьяновского Музея).

¹ См. Смирнов. Атлас „Восточное серебро“.

² Возможно даже, что в обоих случаях речь идет об одной и той же статуе

Т а б л и ц а VIII.

Рис. 70. Камень-старик. Верхне-Биджинская степь, близ ул. Салбых. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 71. Ул. Асачаков на р. Абакан. Лицо слегка моделировано. К сожалению, детали на фотографии вышли плохо. С фот. И. П. Кузнецова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 72. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Красный песчаник. Обломок камня с изображением черт слабо моделированного лица. Штрихами показана поверхность, подвергшаяся обработке. Находится в Минусинском Музее.

Рис. 73. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Глаза слегка округлы, лежат в углублении. Нос представляет собой нетронутую поверхность, вокруг которой сделана плоская выемка, к щекам сходящая на нет. Рот — обычная продолговатая ямка. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Университете.

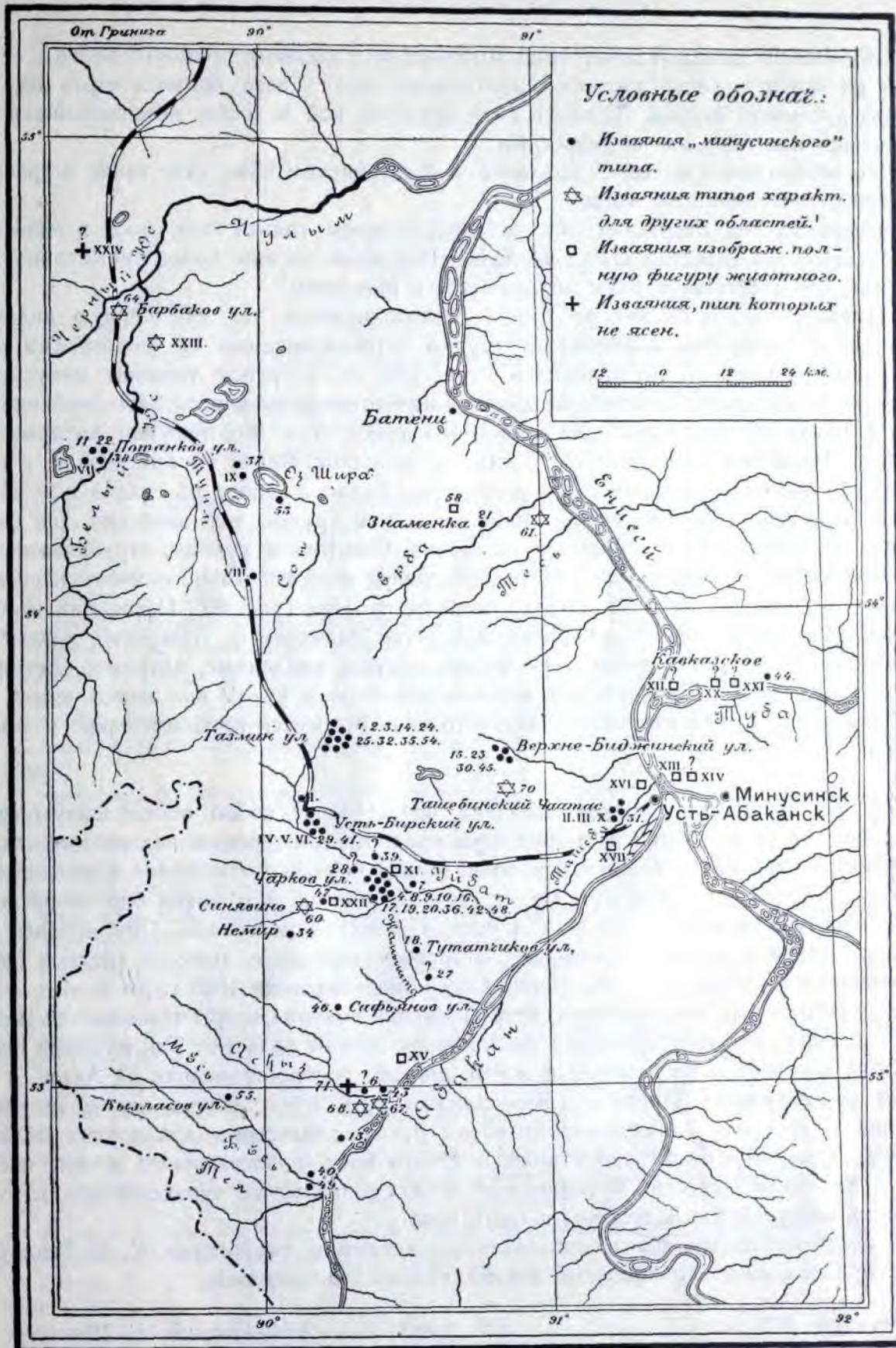
XXIII. „Узун“ (2 арш. 4 в). В 3-х верстах от ул. Барбакова на р. Черный Юс. Представлял фигуру женщины с одной рукой. Разбит пополам. 26, стр. 205. Костров (см. 20, стр. 82), упоминая об этом памятнике, говорит, что на нем были изображены голова, глаза, нос, рот и одна рука. См. также 28, стр. 58.

XXIV. В 4-х часах пути к югу от Божьего озера (Тигир-коль). Бурый камень четырехугольной формы, имеющий некоторое сходство с человеческой фигурой. По Радлову (из дневника Мессершмидта) 35, стр. 12 и 15; 34, стр. 171.

В литературе имеется еще около 15-ти указаний о местонахождении каменных изваяний в Минусинском крае. Однако, благодаря краткости описания или неточности указания места, не представляется возможным решить, идет ли речь о каких то новых, неизвестных нам, памятниках или о некоторых из тех, которые уже указаны в списке, последнее, повидимому, более правильно. См. 9, том III, стр. 284; 16, стр. 33; 17, стр. 27; 20, стр. 80 и 82; 21, табл. XV, рис. 2. 26, стр. 105; 28, стр. 59, 62; 31, стр. 575 — 6; 35, стр. 17, 93 и 144, 37, том III, стр. 507 — 8.

(судя по рисунку, приведенному у Радлова) мужское лицо с усами и руки, держащие сосуд.

Если оба приведенных изваяния в таких же разновидностях в большом количестве известны в Танну-Тувинской республике (Урянхай) (рис. 62 и 63), Монголии, Киргизских степях, Семиречья и Алтае, то для Минусинского края они являются единственными

Карта распространения каменных изваяний в Минусинском крае.

Салбыхский „камень-старик“ (рис. 70) имеет вид длинного прямоугольного в сечении бруса, на верхнем конце которого изображено лицо. Глаза, брови и черта над ними сделаны врезанной линией. Щеки—в виде кружков, нос и сосуд, помещающийся непосредственно под ним, слегка рельефны.

Это изображение не имеет аналогий в Минусинском крае, зато такие встречаются в других местах, напр. на Алтае.

Фигура 73 без очертаний лица с изображением только глаз, носа в виде петли и небольшого рта известна также на Алтае. Подобное, но еще более примитивное, изображение, где отсутствует даже рот, имеется в Монголии.

На фигурах 71 и 72 мы не будем останавливаться, так как первую видеть не удалось, а ее некоторые особенности, трудно устанавливаемые по фотографии, заставляют воздержаться от безусловного отнесения ее к группе типично минусинских; вторая же представляет обломок, не дающий ничего определенного. Зато особенно привлекают внимание последние два памятника (рис. 67 и 68), рисунки которых дает Спасский. Изваяния изображают мужчину и женщину. Когда то они стояли в степи, недалеко от Аскыза, но потом были перевезены в село, и какова их судьба в настоящее время неизвестно. Они несомненно принадлежат к группе тех изваяний, где фигура человека изображена со сложенными „калачиком“ ногами и руками, держащими сосуд. Этот тип очень немногочислен, но распространен широко. Такие памятники известны на Алтае, в Семиречьи и в Танну-Тувинской республике (рис. 69). Последний особенно интересен рисунками сосудов, изображающих так называемые „скифские котлы“ или копирующие их глиняные сосуды. Подобные сосуды, найденные, например, Аспелином в Тесинском кургане, относятся ко времени не позднее III—IV вв. нашей эры¹. Это позволяет думать, что и изваяния описанного типа относятся приблизительно к тому же времени.

Главная масса минусинских изваяний представляет собой обособленную группу памятников, не встречающихся за пределами края. Древне-турецкие надгробные надписи, делавшиеся на первом попавшемся в степи камне, никакого отношения к изваяниям не имеют и датировать их не могут. На курганы различных эпох конца бронзовой и железной культур изваяния попадали просто в качестве материала. Они древнее этих курганов. Время сооружения изваяний относится, вероятнее всего, к средней бронзе, т. е. к карасукской культуре (по Теплоухову приблизительно 1000 г. до н. э.).

Встречающиеся в Минусинских степях изваяния полной фигуры человека—„каменные бабы“—для края не характерны, они свойственны другим областям. Так, мужская фигура с сосудом в правой руке и мечом в левой, широко распространенная на Алтае, в Туркестане и Киргизских степях, в Минусинском крае представлена одним изваянием. Изваяния с сосудом, находящимся в обеих руках, характерны для других областей, а именно Танну-Тувинской республики и Монголии с прилегающими к ней частями Алтая и Киргизских степей. О различных типах монгольских, туркестанских и южно-сибирских изваяний мы надеемся говорить особо.

В своей работе мы часто пользовались советами и указаниями С. А. Теплоухова и С. Е. Малова, за что и приносим им искреннюю благодарность.

Ленинград, 1926 г.

М. Грязнов, Е. Шнейдер.

¹ Tallgren, Trouvailles tombales en 1889.

Использованная литература.

1. (Адрианов, А. В.). Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г., командированным Комитетом А. В. Адриановым. Изв. Русск. Ком. для изуч. Средн. и Восточн. Азии за 1904 г.
2. Адрианов, А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. Р. Г. О. по общей географии, т. XI, 1888.
3. Aspelin, S. R. Antiquités du nord Finnoougrien. Helsingfors, 1877 — 1884.
4. Bayer, Th. S. Vertus inscriptio Prussica Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus II. Petropoli, 1729. (Использовано по Радлову—35).
5. Боголюбский, И. С. Исследование древностей Минусинского округа, Енисейской губ. в 1881 г. И. В. С. О. Р. Г. О. XIII, № 3, 1882.
6. Chantre, E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris — Lion, 1885.
7. Гейкель, Г. К. Из финляндской археологической литературы. Изв. Археол. Ком. Вып. 38, 1911.
8. Falk, I. P. Beiträge zur topographischen Kenntniss der Russ. Reichs. Petersb. 1785.
9. Gmelin, I. G. Reise durch Sibirien. Göttingen, 1752. (Использовано по Радлову — 35).
10. Heikel, A. Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Enissei. Finskt Museum, I, I. 1894.
11. Heikel, A. O. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tascheba. Journal de la Société Finl. d'Archéol. XXVI, 1912.
12. Inscriptions de l'Enissei recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie. Helsingfors, 1889.
13. Gastrén, M. A. Reisenberichte und Briefe. St.-Petersb. 1856.
14. Klaproth, M. I. Mémoires, relatifs à l'Asie, contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les Peuples de l'Orient. Paris, 1826.
15. Klaproth, M. I. Sur quelques antiquités trouvées en Sibérie. Journal Asiatique. Paris, 1823, T. II. (Использовано по Попову—28).
16. Клеменц, Д. Древности Минусинского Музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886.
17. Клеменц. Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсии в верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Зап. С. О. Р. Г. О. XI, 1890.
18. Клеменц, Д. Минусинская Швейцария и боги пустыни (Из дневника путешественника). „Восточное Обозрение“. 1884. №№ 5, 7, 9 и 12.
19. Костров. Очерки быта минусинских татар. Труды IV Арх. Съезда в Казани в 1877 г., т. I, 1884.
20. Он же. Список каменных изваяний, находящихся в Минусинском округе Енисейской губ. Зап. С. О. Р. Г. О. VII, 1864. См. также Вестник Географ. Об-ва, ч. X, 1854.
21. Кузнецов, Инс. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889.
22. (Мартьянов, М. Н.). Изваяния и изображения животных в Минусинском крае. (Из письма г. Мартьянова). Изв. В. С. О. Р. Г. О. XII, № 4—5, 1885.
23. Pallas, P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.-Petersb. 1776 (см. также Voyages du professeur Pallas dans plusieurs provinces de l'Emp. de Russie et dans l'Asie septentr.).
24. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства, ч. III, половина I. Петербург, 1788.
25. Пестов. Записки об Енисейской губ. Москва, 1833.
26. Пискарев, А. И. О месте нахождения каменных баб в России. Зап. С.П.Б. Археол. Об-ва. III, 1851.
27. Попов, Н. И. Общий взгляд на писаницы Минусинского края. Изв. С. О. Р. Г. О. VI, 1875 и VII, 1876.
28. Он же. О каменных бабах в Минусинском крае. Изв. С. О. Р. Г. О., II, № 4, 1871.

29. Он же. О писаницах Минусинского края. Изв. С. О. Р. Г. О. III, 1872.
30. Он же. О рунических письменах Минусинского края. Изв. С. О. Р. Г. О. V, 1874.
31. Он же. Татищев и его время. (Использовано по Попову—28).
32. Radloff, W. Aus Sibirien. II Band. Leipzig, 1893.
33. Он же. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Petersb. 1894—95.
34. Радлов, В. В. Сибирские древности (из путевых записок). Зап. Русск. Арх. Об-ва. VII, 1895. (Извлечение из „Aus Sibirien“).
35. Он же. Сибирские древности. „Материалы по археол. России“, № 3, 1888; № 5, 1891 и № 15, 1894
36. Он же. Труды Орхонской Экспедиции. Атлас древностей Монголии. СПб. 1892—1899.
37. Риттер. К. Землеведение Азии. СПб. 1879.
38. Савенков, И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV Археол. Съезда в Чернигове. Москва, 1910.
39. Скороговоров. Описание Енисейской губернии. Зап. С. О. Р. Г. О. кн. 8. II (смесь). Иркутск, 1865.
40. Спасский, Гр. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими. Зап. Р. Г. О. XII, 1857.
41. Он же. О Сибирских древних курганах. „Сыны Отечества“, 1817, № 39. См. также „Сибирский Вестник“, 1818, ч. 41.
42. Спицын, А. Археологический альбом. Зап. Отд. Русск. и Слав. археол. Русск. Археол. Об-ва XI, 1915.
43. Степанов, А. Енисейская губерния, ч. I. СПб. 1835.
44. Strahlenberg, F. I. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. (Использовано по Радлову № 35).
45. Tallgren, A. M. Collections Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman à Vasa. Helsingfors, 1917.
46. Он же. Minoussinskin arohaudat. Finskt Museum XXII, 1915.
47. Теплоухов, С. А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае. Сборник „Этнографические экспедиции 1924—25 гг.“ Ленинград, 1926 г. Изд. Русского Музея.
48. Уваров, А. С. Сведения о каменных бабах. Труды I Археол. Съезда в Москве в 1869 г. Москва, 1871.
49. Эйхвальд, Э. И. О чудских копиях. Труды Восточн. Отд. Имп. Археол. Об-ва. III, 1856.
50. Ядринцев, Н. Древние памятники и письмена в Сибири. „Литературный Сборник“, изд. редакцией „Восточн. Обзорение“, 1885.

M. GRIASNOV ET E. SCHNEIDER. SCULPTURES ANCIENNES DES STEPPES DE MINOUSSINSK.

La grande partie des sculptures de Minoussinsk forme un groupe isolé de monuments, que l'on ne rencontre point au delà des frontières de ce pays. Elles représentent des dalles, plus ou moins bien taillées, ayant un dessin stylisé de la face humaine et une ornementation symbolique (fig. 1 — 55). Les inscriptions en ancien turc que l'on trouve sur certaines d'entre elles, à en juger par leur texte, leur disposition et l'état relatif de leur conservation n'ont aucun rapport direct avec les sculptures et étaient gravées sur ces dalles postérieurement. L'on se servait de ces sculptures en guise de simple matériel de construction pour l'érection des kourganes de la fin de l'âge de bronze et de l'âge de fer, conséquemment elles doivent être plus anciennes que les kourganes mêmes. Ces sculptures furent probablement taillées à l'âge de bronze moyen, c. à d. au temps de la civilisation de Karassouk (d'après Teplouhow environ 1000 ans avant notre ère).

Les statues d'hommes en pied, — les „babas en pierre“, que l'on rencontre dans les steppes de Minoussinsk, ne sont pas caractéristiques pour ce pays. Elles sont originaires d'autres localités. La statue masculine tenant un vase dans la main droite et un glaive dans la gauche est très répandue dans l'Altaï, au Turkestan et dans les steppes Kirghises. Il n'y en a qu'une seule à Minoussinsk (fig. 64). Les sculptures à vases tenus des deux mains sont caractéristiques pour la république Tannou-Touva, la Mongolie et les parties adjacentes de l'Altaï et des steppes Kirghises. Nous ne connaissons que deux exemplaires de ce genre à Minoussinsk (fig. 60 et 61).

Explication des figures.

Carte de la répartition des sculptures à Minoussinsk. Phot. 1. Sculpture en grès rouge aux bords de la Biryа près de l'oulousse Tasemine. Phot. 2. Sculpture en granit. Minoussinsk. Phot. 3. Sculpture en granit aux bords de la Biryа, près de l'oulousse Tasemine. Phot. 4. Sculpture en grès rouge près de l'oulousse Verhne-Bidjinsk. Phot. 5 — 6. Sculpture en grès rouge au „tchaatasse“ d'Ouybat (près de l'oulousse Verhne-Bidjinsk). Phot. 9. Estampage

d'une inscription „pissannitza“ — Académie des Sciences de l'U. R. S. S. Phot. 10. Sculpture en grès rouge du v. Snamenka. Phot. 11. Sculpture en granit du v. Sinyavino.

Pl. I. Sculptures en pierre de Minoussinsk. 1 — 3 oulousse Tasemine, 4. „tchaatasse“ d'Ouybat, 5. localité inconnue, 6. v. Askiz, 7. r. Ouybat, 8 — 10. „tchaatasse“ d' Ouybat. Pl. II. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 11. oulousse Patankov, 12. localité inconnue, 13. près des rivières Askiz et Ess, 14. oulousse Tasemine, 15. oulousse Verhne-Bidjinsk, 16. „tchaatasse“ d'Ouybat, 17. oulousse Tcharkov, 18. r. Kamichta entre les oulusses Toutatchikov et Kataév, 19. „tchaatasse“ d'Ouybat, 20. oulousse Tcharkov. Pl. III. Sculptures en pierre de Minoussinsk. 21. v. Snamenka, 22. oulousse Patankov, 23. oulousse Verhne-Bidjinsk, 24. et 25. oulousse Tasemine, 26. localité inconnue, 27. r. Kamichta, 28. oulousse Tcharkov, 29. oulousse Oust-Birya, 30. oulousse Verhne-Bidjinsk. Pl. IV. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 31. „tchaatasse“ de Tachebine, 32. oulousse Tasemine, 33. localité inconnue, 34. oulousse Aptichev, 35. oulousse Tasemine, 36. oulousse Tcharkov, 37. lac Chira. Pl. V. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 38. oulousse Patankov, 39. r. Ouybat, 40. v. Oust-Ess, 41. oulousse Oust-Birya, 42. „tchaatasse“ d'Ouybat, 43. v. Askyz, 44. v. Kavkasskoye, 45. oulousse Verhne-Bidjinsk. Pl. VI. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 46. oulousse Safianov, 47. v. Sinyavino, 48. oulousse Tcharkov, 49. v. Oust-Ess, 50 — 52. localités inconnues, 53. lac Chira, 54. oulousse Tasemine, 55. oulousse Kiselassov. Pl. VII. Sculptures en pierre de différentes localités. 56. Minoussinsk emplacement précis inconnu, 57. Minoussinsk, r. Abakane, 58. Minoussinsk, v. Snamenka, 59. localité inconnue, 60. Minoussinsk, v. Sinyavino, 61. Minoussinsk, v. Snamenka, 62. république Tannou-Touva, emplacement précis inconnu, 63. république Tannou-Touva, r. Djidane, 64. Minoussinsk, embouchure de la Sarali, 65. province de Semiretchensk, la gorge de Kagatine, 66. l'Irtiche-noire, „saimka“ Shterbakov, 67 — 68. Minoussinsk, embouchures de l'Askyz, 69. république Tannou-Touva. Pl. VIII. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 70. oulousse Salbih, 71. oulousse Assatchakov, 72 et 73. localités inconnues.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТРАН.
С. И. Руденко. Перевес	1—12
С. И. Руденко. Графическое искусство остяков и вогулов . . .	13—40
С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края	41—62
М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей	63—93

